

ДАРЬЯ КОРОТКОВА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
dasza1981@yandex.ru

СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА БЕЛОРУССИЯ И ЛИТЕВСКО-БЕЛОРУССКАЯ РЕСПУБЛИКА В СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ В 1919 Г.

Первая мировая война самым непосредственным образом сказалась на судьбе белорусских земель. Одни из них были оккупированы немецкими войсками, другие стали базой для войск русского Западного фронта. С июня 1917 г. неоккупированная Центральными державами территория Белоруссии была включена в состав Западной области с центром в Минске. После Октябрьской революции 1917 г. она включала в свой состав Виленскую, Витебскую, Могилевскую и Минскую губернии. В связи с оккупацией и восточной части Белоруссии немецкими войсками (февраль 1918 г.) центр области был перенесен в Смоленск. В сентябре 1918 г. Западная область была переименована в Западную коммуны.

Договор о перемирии, подписанный Центральными державами с Антантой, в принципе предусматривал отмену территориальных и других условий Брестского мира, а вместе с этим встал и вопрос о власти на очищаемых германской армией территориях. Кремлевские лидеры вместе с отменой продиктованных им в Бресте условий не без оснований ожидали кардинальных сдвигов в балансе внутренних сил в оккупированных областях. В постановлении ВЦИК от 13 ноября 1918 г. об аннулировании договора с государствами Четверного союза была изложена программа, обращенная к оказавшимся в оккупации народам бывшей Российской империи: очищение территории их проживания от захватчиков и реализация права на самоопределение, при революционной солидарности трудящихся и поддержке Российской советской республикой рабочих и крестьян «в их борьбе за установление на их землях социалистической власти»¹.

В том, что подобная программа не только выражала цели советского руководства, но и отвечала пожеланиям самих народов, тог-

да не сомневались даже многие противники большевиков. 24 октября 1918 г. советский полпред в Берлине А.Иоффе писал в Москву: «Германское правительство отлично отдает себе отчет, что если никакой внешней империалистической силы не будет во всех вновь образованных буферных государствах, они немедленно же станут большевистскими». Британская «Манчестер Гардиан» прогнозировала в те же дни, что за счет прекращения оккупации Украины и Прибалтики советское правительство расширит сферу своего влияния, «и это будет иметь место только отчасти благодаря той военной силе, которой располагают большевики, а может быть даже и помимо нее. Главной причиной является предпочтение со стороны населения этих территорий большевиков всякой другой власти. Это факт неприятный, но с этим фактом нужно считаться»².

Ближайшие события подтвердили точность прогноза как по части левых предпочтений трудовых слоев населения освобождавшихся от оккупации территорий, так и в отношении скромной роли Красной армии в этом процессе, хотя официально ее Западный район обороны с 16 ноября 1918 г. в связи с аннулированием Брестского мира подлежал переформированию в активную боевую единицу – Западную армию.

Беликая война была завершена, немецкие оккупационные войска, покидали Белоруссию, вслед за ними шла Красная армия. Ее силы на западном направлении были настолько незначительны, что ни о каких активных действиях против оккупантов не было и речи. 25 ноября начальник Полевого штаба Верховного главнокомандования Ф.В. Костяев распорядился занимать населенные пункты исключительно путем согласования с германским командованием³.

Силу Западной армии, защищавшей Москву на фронте от Пскова до Рогачева, командование исчисляло всего в 8 тыс. человек. В освобождаемых областях десятки тысяч человек изъявляли желание вступить в Красную армию⁴, но не хватало обмундирования и снаряжения. И не было шансов на скорое изменение к лучшему.

¹ Михутина И.В. Кто готовил советизацию Польши в 1918 году? // Революционная Россия и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. Сборник статей. Под ред. М. Волоса и А. Орехова. М., 2009. С. 272.

² Там же.

³ Там же. С. 273.

⁴ Из доклада А.Иоффе председателю ВЦИК Я.Свердлову от 24 января 1919 г.: «Можно в короткое время набрать до 100 тысяч добровольцев, вопрос лишь, сколько может выдержать наше интенданство» (Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 51. П. 326. Д. 55001. Л. 1).

Поэтому большевистское руководство решило использовать войска на западном направлении лишь для восстановления влияния в близлежащих оставляемых немецкой армией областях бывшей Российской империи. В отношении Польши кремлевские политики фактически взяли курс, объявленный еще Временным правительством: «признание независимого польского государства из всех земель, населенных в большинстве польским народом». Об этом свидетельствовало и распоряжение Ленина Главному командованию от 29 ноября 1918 г. о военной поддержке советских правительств в Прибалтике и на Украине: «С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются областные временные советские правительства, призванные укрепить Советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность шовинистам Украины, Литвы, Эстляндии рассматривать движение наших частей для оккупации и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого обстоятельства в оккупированных областях войска стали бы в невозможное положение, и население не встречало бы их как освободителей.

В виду этого просим указания о том, чтобы наши войска всячески поддерживали временные советские правительства Латвии, Эстляндии, Украины, Литвы, но, разумеется, только Советские правительства»⁵. В нем, как видим, не было и намека на подобное содействие сторонникам революции в Польше.

При этом в начале 1919 г. столкновение с Польшей, которого в Кремле серьезно опасались, поскольку основные силы Красной армии были сосредоточены на борьбе с белыми армиями, казалось советскому руководству весьма близкой перспективой. В этих условиях задачей советской стороны становилось оттянуть сколь возможно долго это столкновение. Разумеется, одними дипломатическими мерами достигнуть этой цели было бы сложно.

Учитывая национальную и историческую риторику польских властей и настроения в Европе, где после поражения Центральных держав шел процесс создания новых мононациональных государств даже у тех народов, которые не могли на это рассчитывать перед Великой войной, Москва волей-неволей должна была искать замену принципу автономизации национальных регионов, примененному в РСФСР. Для на-

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 35. Д. 863. Л. 11.

циональных окраин была избрана другая тактика – создание формально независимых национальных советских государств. Создаваемые по периметру РСФСР национальные советские республики должны были стать ее своеобразным «буфером», отделяющим территорию Великой России, охваченную гражданской войной, от главных центров внешней угрозы, которыми были как державы Антанты, так и сопредельные Польша, Румыния, буржуазные Литва, Латвия, Эстония и Финляндия, претендовавшие на территории, от которых советская Россия не собиралась отказываться.

Началось спешное создание буферных «независимых» национальных советских республик, главным образом на западных рубежах России. Но полного единства взглядов относительно будущего устройства советского государства в большевистском руководстве не было. Лозунг о праве наций на самоопределение, который помогал коммунистам раскачать ситуацию в 1917 г., в 1919-м оборачивались против них самих, порождая многочисленные сепаратистские движения под анти-советскими лозунгами. Эти движения подпитывались как антикоммунистической идеологией, что позволяло им сотрудничать с белой Россией, так и вырвавшимся на поверхность общественной жизни во время и после войны антирусскими настроениями.

Споры по поводу предпочтительного государственного устройства будущей России велись и в 1919 г., и позже. Примечательно, однако, что в этих дискуссиях всегда неявно присутствовала идея о том, что территориальное единство довоенной России (без Польши и Финляндии) должно сохраниться. Речь, по сути, шла лишь о новой форме этого объединения – централизованной, разделенной на административно-территориальные единицы без учета национального состава регионов, или федеративной, на основе объединения национальных единиц.

Вопрос о создании Белорусской советской республики решался в России, и это решение стало результатом договоренности руководителей Белорусского комиссариата при Наркомате по делам национальностей (Белнацкома) и белорусских секций РКП(б), с одной стороны, и ЦК РКП(б), с другой. Для руководителей Облискозапа (Исполнительный комитет Западной области и фронта, большевистский центр власти, созданный в Белоруссии в первые дни после Октябрьской революции, в основном состоял из военных Западного фронта; они резко отрицательно относились к идее самоопределения белорусов, видя в нем опасность контрреволюционного переворота в крае) это решение стало неприятным сюрпризом⁶.

21–23 декабря 1918 г. в Москве проходила конференция белорусских секций РКП(б). Она признала необходимость создания Временного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии и избрала Центральное бюро белорусских секций РКП(б) из 5 человек: председатель – Д. Жилунович, члены – Ф. Балбека, И. Ненецкий, М. Драка-Дракон, А. Червяков и кандидат в члены – В. Дыло. Центральному бюро было поручено после VI Северо-западной областной конференции РКП(б) (назначенной на 27 декабря) созвать Всебелорусский съезд коммунистов и образовать национальный партийный центр, который взял бы под свой контроль не только секции, но и местные городские организации, в том числе те, которые действовали на территории оккупированной Белоруссии в подполье.

24 декабря вопрос о белорусской советской государственности рассматривался на заседании ЦК РКП(б), а 25 декабря состоялась беседа Сталина с представителями руководства Белнацкома. Стороны пришли к решению, «по причине современных международных отношений и в целях укрепления и расширения завоеваний социалистической революции во всемирном масштабе», провозгласить «Белоруссию, как самостоятельную во всех отношениях нацию, независимой Советской Социалистической Республикой»⁷. Сталин предложил представителям Белнацкома составить список кандидатов на замещение должностей во временном правительстве Белорусской советской республики.

27 декабря 1918 г. Сталин провел в Москве совещание с представителями исполнительного комитета Западной области и фронта А. Мясниковым и Калмановичем. На нем были приняты так называемые шесть условий об образовании БССР:

«1. Правительство Белорусской республики состоит из председателя и 15 членов правительства.

2. Для очередных дел существует президиум из 3 лиц: председателя правительства и 2 членов из его состава.

3. В состав республики входят губернии: Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Смоленская (последняя спорно: по усмотрению местных товарищей).

⁶ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14. Л. 10–11. Разговор И. Сталина с А. Мясниковым 25 декабря 1918 г.

⁷ Коршук В., Платонов Р. и др. Государственность Беларуси: проблемы формирования в программах политических партий. Минск, 1999. С. 61.

4. Обком партии Северо-западной области превращается в ЦБ КП(б) Белоруссии.

5. Председатель ЦБ партии должен быть представителем ЦК партии и правительства.

6. Права ЦБ партии и отделов правительства остаются такими же, как бывшего Обкома партии и Облискомзапа»⁸.

Таким образом, этот документ определял территорию республики, состав правительства и его полномочия. Эти условия передавали Виленскую и Ковенскую губернии Литовской республике, Смоленск фактически – РСФСР. Отношения БССР с Россией оговаривались последним пунктом: ЦБ КП(б)Б и правительство БССР исполняли те же функции, что и СНК Западной области и Облискомзап, и тем самым должны были подчиняться центральной власти. Так что независимость БССР имела бы сугубо формальный характер.

30 декабря 1918 г. в Смоленске начала свою работу VI Северо-западная конференция РКП(б). Поскольку на конференции были представлены все коммунистические организации, действующие на территории Белоруссии, ее постановили провозгласить I съездом Коммунистической партии Белоруссии. Согласно директиве ЦК РКП(б), в доклад А. Мясникова по вопросу о текущем моменте был включен пункт «Белорусская советская республика». В нем содержалось предложение объявить Западную область «самостоятельной Советской социалистической республикой Белоруссия» (ССРБ). В качестве аргумента в пользу такого шага назывался международный фактор – необходимость «замкнуть цепь советски самоопределившихся образований». Делегаты приняли резолюцию о провозглашении ССРБ без обсуждения.

В тот же день 30 декабря отдельное постановление было принято по вопросу о территории ССРБ: в ее состав были включены Минская, Смоленская, Могилевская, Витебская и Гродненская губернии с прилегающими к ним местностям соседних губерний, населенных преимущественно белорусами.

Постановления I съезда КП(б)Б не устранили противоречий между ЦБ КП(б)Б, где большинство составили сторонники А. Мясникова и В. Кнорина, считавшие провозглашение ССРБ временным явлением, и белорусскими секциями РКП(б).

В состав избранного I съездом Центрального бюро КП(б)Б от бе-

⁸ Круталевич В. Рождение Белорусской Советской республики (ноябрь 1918–февраль 1919 г.). Минск, 1979. С. 138.

лорусских секций вошли Д. Жилунович и И. Лагун. На первом заседании ЦБ КП(б)Б 31 декабря 1918 г. Д. Жилунович предложил объединить на паритетных правах Центральное бюро белорусских коммунистических секций, избранное на Московской конференции 21–23 декабря, с Центральным бюро, избранным съездом в Смоленске. Предложение было отклонено.

ЦБ КП(б)Б приняло постановление о ликвидации Центрального бюро белорусских секций РКП(б), а белорусским секциям, действующим за пределами республики, было дано право работать под руководством ЦБ КП(б)Б. Д. Жилунович отверг такой вариант, вместе с И. Лагуном заявил о выходе из ЦБ КП(б)Б и потребовал сделать перерыв для переговоров с Москвой. Ему в этом отказали, указав при этом на нарушение им партийной дисциплины.

Чтобы не допустить дальнейшего углубления конфликта, в него на стороне А. Мясникова вмешался Сталин. Он объяснил, что «Белорусское правительство получает директивы непосредственно от ЦК партии через Мясникова как представителя последнего», потребовал срочного выезда временного белорусского правительства в Минск и опубликования манифеста. По словам В. Круталевича, предпочтение, отданное Сталиным группе А. Мясникова, объясняется лучшим пониманием последней общей политической ситуации вокруг образования ССРБ и заикленностью Жилуновича и его сторонников на национальном вопросе, игравшем в тот период второстепенную роль при принятии соответствующих решений центром⁹.

Временное рабоче-крестьянское правительство ССРБ было сформировано из двух групп: из состава ЦБ белорусских секций РКП(б) и из ответственных деятелей и партработников Западной области. Большинство постов, включая и ключевые (НКВД, национальных дел, земледелия, путей сообщения и финансов), заняли представители руководства Западной области – фактически противники создания белорусской национальной государственности. Белнацкому оставили представительские функции и чисто декоративные в условиях войны и разрухи должности (например, Фальский стал наркомом иностранных дел). Даже должность председателя (Жилунович) в таких условиях не давала преобладающего влияния, поскольку представителем центра был А. Мясников, занимавший в белорусском правительстве пост наркома по военным делам.

⁹ Круталевич В. Указ. соч. С. 142.

Манифест об образовании ССРБ был подписан 1 января 1919 г. Д. Жилуновичем, А. Мясниковым, Ивановым, А. Червяковым и Рейнгольдом и опубликован в ночь с 1 на 2 января 1919 г. Он должен был стать важным политическим документом конституционного значения. Белоруссия была провозглашена независимой социалистической республикой.

Власть Белорусской рады¹⁰ объявлялась в нем свергнутой и несуществующей, а Белоруссия торжественно провозглашалась «свободной, независимой Социалистической Советской республикой». Согласно манифесту, основными положениями общественного и государственного строя Белоруссии были: переход власти к рабочим, крестьянским, батрацким и красноармейским депутатам; равные права рабочих, крестьян и вообще трудящихся всех национальностей, живущих в Белоруссии; передача земли, недр, лесов и вод, железных дорог и путей сообщения, почтовых, телеграфных и телефонных сетей, фабрик, заводов и банков рабочим и бедному крестьянству Белоруссии; введение повсеместно 8-часового рабочего дня, установление «революционного порядка», т.е. «беспощадная кара» всех контрреволюционных выступлений¹¹.

Название республики было неустоявшимся: в Манифесте она именовалась как «Белорусской советской республикой», так и «Белорусской социалистической советской трудовой республикой». Конституция, принятая на I съезде Советов Белоруссии 4 февраля 1919 г., закрепляла название Советская социалистическая республика Белоруссия¹².

В связи с провозглашением ССРБ Облискомзап 3 января 1919 г. принял постановление о самороспуске и переходе всей власти к временному революционному рабоче-крестьянскому правительству Белоруссии. Это постановление было утверждено Президиумом ВЦИК 11 января 1919 г. 5 января 1919 г. правительство ССРБ переехало из Смоленска в Минск¹³.

Отношение белорусского общества к провозглашению ССРБ было неоднозначным. Эта акция не обсуждалась предварительно ни на стра-

¹⁰ Т.е. Рады БНР, органа, созданного делегатами распущенного Облискомзапом в декабре 1917 г. Всебелорусского съезда. Она на протяжении 1918–1921 гг. пыталась добиться международного признания независимости Белоруссии и своего права представлять ее в качестве единственного законного правительства, но так и не сумела получить реальной власти в крае.

¹¹ Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. Минск, 1994. Приложение 27. С. 129.

¹² Круталевич В.А. Указ. соч. С. 149.

¹³ Коршук В., Платонов Р. и др. Указ.соч. С. 64.

ницах печати, ни в местных Советах. Советскими работниками государственная самостоятельность отождествлялась с политической и экономической изоляцией, ослаблением хозяйственных связей с Россией. Местными Советами принимались характерные резолюции о нежелании создавать белорусские государственные органы, организовывать самостоятельное государство.

Назначенный представителем НКВД в Вильно Д.Ю. Гопнер, в своих отчетах приводил некоторые из этих решений. Например, телеграмма Гопнера, отправленная 3 января 1919 г. Чичерину, с копией Ленину и Сталину, была посвящена совещанию в Витебске по поводу решения об образовании Белорусской советской республики и принятым на нем резолюциям: «Отношение Витеблян к новой республике более определенное и гораздо враждебнее, чем у Смоленян. Доверяясь всецело центру в вопросах международной ориентации, они обещают сделать все необходимое для осуществления намеченных мероприятий, но исключительно из партийной дисциплины, и, вследствие отсутствия предварительной работы, будут козырять лишь авторитетом ЦК и товарища Ленина. Понятно, что только дисциплина и притягивание авторитетных лиц и учреждений не может дать желаемых результатов, так как повлияет лишь на узкий круг лиц. Еще хуже обстоят дела с выводом, к которому товарищи приходят, рассматривая образование Белоруссии во всей широте и учитывая все неизбежные и вероятные последствия.

ПЕРВОЕ – организация Советской власти. Областные объединения уже вредный пережиток, тормозящий отношения между центром и местами. Всюду замечается усиление притяжения к центру. В этом месте следует много интересных примеров. Московский Совнарком пользуется большой популярностью, которую никогда не подменяют никакие республики»¹⁴. К тому же, опасались участники совещания, провалится интернациональная пропаганда в армии. Вторым вопросом было национальное самосознание населения: Витебская губерния населена белорусами, которые себя таковыми осознавали в противовес помещикам, а с революцией стали себя считать русскими. Кроме того, попытки наладить выпуск белорусскоязычной прессы и белорусскую школу потерпели неудачу, т.к. эти начинания не пользовались популярностью среди местного населения. Витебск в целом ни экономически, ни культурно не тяготел к Минску и был «совершенно чужд Гродне»¹⁵.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 151. Оп. 2. П. 2. Д. 10. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 5.

Подобные сообщения приходили и из Минска: 5 января 1919 г. Машицкий, представитель НКВД в Белоруссии, так писал Чичерину о настроениях съезда, провозгласившего Белорусскую республику. «...Самостийники получили сильный отпор за тенденции создать особую национальную форму. Крестьяне, рабочие против обособления Белоруссии, за тесную связь с рабочими Советской республики... мы против белорусского языка, мы будем бороться против создания национальной особой белорусской культуры, повторяю, только авторитет и «доверие» высшим органам Советской власти удержал съезд в рамках дисциплины. Внеочередное заявление Рейнгольда, что Съезды Советов Смоленской, Могилевской и Витебской «губерний» постановили выделиться из состава Белорусской республики к Советской республике, встречаются аплодисментами даже части делегатов, не являющихся представителями этих губерний»¹⁶.

Подобные общественные настроения вызывали обеспокоенность белорусских коммунистов. Они обсуждали вопрос об организации в противовес РКП(б) Белорусской компартии, требовали организовать отдельно приезжающих из Советской России белорусов-коммунистов и создавать национально-белорусские секции. Но ЦБ КП(б)Б 15 января 1919 г. вновь принял постановление о ликвидации белорусских секций. В нем говорилось об упразднении всех ранее действовавших белорусских секций партии на территории ССРБ, а выданные ими партбилеты объявлялись недействительными. 17 января 1919 г. Гопнер сообщал из Минска Чичерину, Сталину и Ленину об опубликовании от имени ЦБ КП(б)Б следующего объявления: «В некоторых пунктах Белоруссии появились и появляются лица, именующие себя Белорусскими Коммунистами, которые, по-видимому, поставили себе целью дезорганизовать Советскую работу на местах. Лица эти в большинстве случаев ведут националистическую агитацию. Центральное Бюро Коммунистической Партии Большевиков Белоруссии этим заявляет, что вышеупомянутые элементы ничего общего не имеют с коммунизмом и с партией. На местах товарищи и организации должны лишь считаться с агентами центрального бюро коммунистической партии большевиков Белоруссии»¹⁷. Он также обращал внимание на то, что «так называемые белорусские коммунисты через многочисленных агентов ведут подпольную националистическую работу», что они «поставили целью дезорганизовать коммунистическую

¹⁶ Там же. Л. 41.

¹⁷ Там же. Л. 36.

и советскую работу на местах и ведут национальную агитацию», в связи с чем просил об инструкциях относительно его отношений с Жилуновичем и Фальским¹⁸.

Конфликт в белорусском руководстве практически парализовал работу ЦБ и потому вызывал особое беспокойство Москвы. 16 января 1919 г. ЦК РКП(б) принял решение об отделении от ССРБ Витебской, Могилевской и Смоленской губерний и передаче их РСФСР. Об этом уведомили лидеров республики. Поначалу казалось, что, в связи с более чем сдержанным отношением большинства советских работников к белорусской государственности, проблем с принятием ими этого решения ЦК не должно быть. 17 января 1919 г., после консультаций в Минске с Мясниковым, заменявшим выехавшего в Москву главу белорусского правительства Жилуновича, Гопнер телеграфировал Чичерину, что вопрос о границах Белоруссии не будет, вероятнее всего, представлять особых трудностей. Планировавшуюся центром для согласования границ новых республик конференцию из представителей Белоруссии, Украины, Литвы и Латвии он не считал даже нужным собирать в Москве, достаточно было бы собрать этих представителей в Минске или Двинске и решить этот вопрос там при посредничестве самого Гопнера. Для этого он просил сообщить мнение ЦК по вопросу границ, и, в случае такого согласия, сообщить окончательный вариант, приемлемый для Москвы. Сам же он был приглашен на заседание белорусского правительства по вопросу границ и обещал сообщить принятое на этом заседании решение. Спорными ему представлялись принадлежность Лидского, Ошмянского, Гродненского и Белостокского уездов, а также Латгалии¹⁹.

Однако эти расчеты не оправдались. Д. Жилунович и другие белорусские лидеры (Шантыр, Дыло, Червяков, Пузырев, Кваченко) направили протест в ЦК РКП(б). В нем указывалось, что отделение от ССРБ трех губерний нарушает провозглашенные принципы и пагубно отразится на жизненных интересах белорусского пролетариата и крестьянства. Недовольный их реакцией центр направил в Минск своего представителя с широкими полномочиями – А.А. Иоффе, с тем, чтобы убедить белорусских коммунистических лидеров, что решение ЦК РКП(б) пересмотру не подлежит.

22 января 1919 г. вопрос территориальных изменений обсуждался на

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. А. 35.

заседании ЦБ КП(б)Б с участием А. Иоффе. Он напомнил, что решение о создании ССРБ мотивировалось исключительно внешнеполитическими причинами. Отметив необходимость «поставить барьер, который выдержит первый натиск империалистов», Иоффе заметил, что создание самостоятельных национальных республик имеет и свою «опасную сторону – дает возможность развиваться мелкобуржуазному национализму». Чтобы избежать этого, ЦК РКП(б) предложил ССРБ начать переговоры с Советской Россией об объединении. Причем была особо подчеркнута необходимость длительных переговоров, т.к. «скорое включение Белорусской республики в Советскую Россию уничтожит все выгоды существования буферов». В заключение Иоффе сообщил о неизменности решения ЦК РКП(б) ограничить территорию ССРБ Минской и Гродненской губерниями²⁰. Аргументация центра по этому вопросу была следующей: ССРБ – республика буферная, и поэтому она нужна только постольку, поскольку граничит с другими странами. Смоленская, Витебская и Могилевская губернии не граничат с другими странами, поэтому их можно исключить²¹.

В докладе Я. Свердлову, В. Ленину, А. Троцкому и Г. Чичерину от 24 января 1919 г. из Минска А. Иоффе сообщал о «затруднениях» по поводу уменьшения территории Белоруссии. ЦБ и белорусские коммунисты решили просить ЦК пересмотреть уже принятое решение. «Пока что Витебская губерния уже постановила не входить в белорусскую республику, а если даже Смоленская и Могилевская губ. примут половинчатое решение вроде решения ЦБ, придется дать им бой на областном съезде и тем провести вопрос о территории в нашем смысле. Белорусам (т.е. группе Жилуновича – Д.К.) я это категорически заявил, и они продолжают хныкать о своей отставке»²².

Иоффе писал о своем недоверии как присланным из Москвы белорусским коммунистам, в связи с их явным национализмом, так и местным военным властям (Облискомзап), которых он, хотя и именовал «нашими», подозревал в сепаратизме. «По-видимому, наши – это спешащая компания резко выраженных областников, которые друг друга покрывают, друг друга выдвигают и совершенно по-домашнему управляют»²³. Кроме того, он отмечал также недоверие между «област-

²⁰ Коршук В., Платонов Р. и др. Указ. соч. С. 66.

²¹ Там же. С. 67.

²² АВП РФ. Ф. 04, Оп. 51. П. 326. Д. 55001. Л. 1.

²³ Там же.

никами» и польскими коммунистами в Вильно. Среди последних он выделял «толковых ребят» Финигштейна, Ю. Лещинского и С. Бобинского, которых ЦБ «в работу не допускал». Считая, что и после утверждения решения о разделе Белоруссии ЦБ будет его саботировать, Иоффе предлагал оставить в Минске только часть «областников», а остальных убрать и заменить московскими представителями и частично местными работниками.

Иоффе считал, что следует сохранить Западный округ и Западный фронт в том же виде, а Реввоенсовет Белорусской республики, «куда входят и Краевский и Алибеков», не нужен совсем, ибо его существование только на руку сепаратистам и националистам. Но он поддерживал «возражение всех местных людей», что Белоруссию должны защищать местные войска, а не присланные из центральных русских губерний. Особенно на этом настаивали польские коммунисты. Их аргументом была необходимость разложения белых польских войск, а для этого, полагали они, как нельзя лучше приспособлены именно польские части РККА. Русские же части лишь будут способствовать росту шовинизма в Польше и в Литве. Иоффе отмечал, что «здесь настроение весьма большевистское и в достаточной мере воинственное»²⁴.

Решение центра об уменьшении территории ССРБ вызвало негативную реакцию не только национал-коммунистов, но и сторонников областной концепции. Эти последние, правда, защищая единство не нации, а области: «Или республика как есть, или область как была», исходили из принципа сохранения экономического единства региона. А Жилунович и его сторонники руководствовались принципом самоопределения белорусской нации. Но те и другие считали, что отделение трех губерний, фактически половины республики, приведет к усилению позиций буржуазных националистов и расколу в КП(б)Б. Решено было послать в Москву на переговоры с Лениным двух представителей Центрального бюро Коммунистической партии Белоруссии – Рейнгольда и Пикеля. Изменить решения центра они, естественно, не сумели. И только на этих переговорах они узнали о новом решении ЦК РКП(б) – объединить Белорусскую и Литовскую советские республики.

Конфликт белорусских коммунистов с фактически правящими в Белоруссии военными – командованием Западного фронта, безусловно имевшим в условиях постоянной военной угрозы большой вес для Москвы, а также подозрения руководителей ССРБ в национализме

²⁴ Там же.

заставили центр отказаться от идеи доверить власть в новой республике национальным кадрам. Позиция представителей РСФСР стала более жесткой.

25 января 1919 г. Иоффе заявлял Чичерину и Свердлову, что границы Белоруссии, в целом определенные на заседании ЦК РКП(б) от 16 января 1919 г. в пределах Минской и Гродненской губ., полностью совпадают с волей населения Белоруссии. Поскольку витебский Съезд Советов уже выразил свою волю остаться в границах Велikorossии, то территориальный спор из-за ряда уездов Витебской губернии с Латвией должен быть разрешен, по мнению Иоффе, между российским и латвийским правительствами. При этом он добавлял, что витебские руководители не возражали против передачи Латвии всех спорных территорий, а именно Режицкого, Двинского и Лепельского уездов, и с такой возможностью уже считаются. Из этих фактов делался вывод о том, что между Россией и Белоруссией территориальных споров нет, и посему Иоффе считал совершенно излишним приглашать представителя белорусского правительства для заслушивания их претензии²⁵.

В то же время, по его мнению, более важную проблему представляли собой спорные между Белоруссией и Литвой части Ковенской, Виленской (на которые претендовали белорусы) и Гродненской губернии (которых добивались литовцы), а также, самое главное, спорные между Белоруссией и Польшей Бельский и Белостокский уезды Гродненской губернии. Польские коммунисты, по замечанию Иоффе, опасались, что продвижение частей Красной армии на польскую территорию, или на территорию, на которую претендует польское правительство, может создать «казус белли»²⁶.

Интересно, что решение об отторжении от ССРБ трех губерний было с недоумением встречено и наркомом иностранных дел Чичериным: он счел, что это скомпрометирует саму идею буферных республик. 26 января 1919 г. Чичерин писал Иоффе в ответ на упомянутую телефонограмму: «Я знаю, что в некоторой части территорий, включенных в Белорусскую республику, имеется против этого серьезная оппозиция и притом деловым образом обоснованная. Но отделение трех губерний, после которого фактически в распоряжении Белоруссии осталась только Минская губерния, не идет ли слишком

²⁵ Там же. Л. 3.

²⁶ Там же.

далеко?». Чичерин считал, что даже в том «преходящем и скорее формальном виде», который ей предназначен, ССРБ вряд ли сможет существовать в столь усеченном составе. Сам факт отделения сейчас же после включения ставит белорусов в крайне неудобное положение. Еще можно было бы понять некоторую корректировку территории за счет частей Смоленской и Витебской губерний, ошибка же на 75 процентов недопустима²⁷.

Национальное размежевание в Гродненской губернии между Белорусской и Литовской советскими республиками стало для Москвы непростой проблемой. В декабре 1918 г. части Красной армии, двигаясь вслед за уходившими в Германию немецкими войсками, заняли Гродненскую и Виленскую губернии. Временное революционное правительство Литвы, созданное в Вильно еще 8 декабря 1918 г., 16 декабря издало манифест о провозглашении советской власти в Литве и Западной Белоруссии. Правда, воспользовавшись уходом немцев из Вильно, 1 января 1919 г. власть в нем взяли отряды польской самообороны. Однако уже 5 января в город вошли части Псковской дивизии Красной армии²⁸.

Представитель НКВД РСФСР Д.Ю. Гопнер, прибывший в Вильно 7 января 1919 г., писал в Москву, что население, причем «не только трудовое», встретило Красную армию «восторженно», красноармейцы Псковской дивизии вели себя образцово²⁹. Опасения правительства советской Литвы относительно враждебного отношения населения к русским полкам Красной армии Гопнер считал преувеличенными. Напротив, по его наблюдениям, и отношение населения к русским солдатам, и поведение последних в городе были прекрасными. Вильняне были настроены настолько дружелюбно к красноармейцам, что осадное положение было снято уже 11 января³⁰.

И, тем не менее, с политической точки зрения положение, по мнению Гопнера, не было безоблачным. Московский эмиссар сообщал о том, что литовские коммунисты были в немалой степени заражены националистическими настроениями, которые проявились почти сразу по их прибытии в Вильно. В частности, это показала практика подбора кадров для формируемого правительства, в которой главенствовал национальный принцип. «Из всей этой пантомимы ничего

²⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 326. Д. 55002. Л. 4.

²⁸ АВП РФ. Ф. 151. Оп. 2. П. 2. Д. 10. Л. 17.

²⁹ Там же. Л. 18.

³⁰ Там же. Л. 18–19.

путного не получится, и дружественной Москве придется волей-неволей «субсидировать» братскую Вильну также и людьми», – предупреждал Гопнер³¹.

Д. Гопнер в телеграмме Чичерину от 3 января 1919 г. пояснял, как литовские коммунисты видят границы своей республики. По Сувалкской губернии он не предвидел никаких практических сложностей: Августовский и Сувалкский уезды литовцы были согласны отдать Польше. Спорным, таким образом, был лишь Сейнский уезд, где, по литовским данным, треть населения составляли поляки. Что касается Белоруссии, то сами литовцы считали, что в Виленской губернии Дисненский уезд следует передать в Минскую губ., а Вилейский – в Витебскую. Ошмяны также вызывали сомнения в силу своего тяготения к Минску. Гопнер просил разъяснений только по Сокольскому и Бельскому уездам Гродненской губернии: центр требовал их «удержать за литовцами, несмотря на польское в них население, но Гродненская-то губерния отнесена к Белоруссии. Как понять?»³².

Несомненно, просигнализированная Гопнером территориальная проблема стала одним из весомых аргументов в пользу объединения советских Белоруссии и Литвы.

Литовские коммунисты, не соглашаясь с решением гродненской проблемы в пользу Белоруссии, не видели иного способа ее урегулирования, как обращение к Москве. Представитель советского литовского правительства Норвид прямо заявил Чичерину в ходе их встречи, что Литва «самым решительным образом» претендует на Гродненскую губернию или, по крайней мере, на значительную ее часть, как населенную литовцами и экономически тяготеющую к Литве. Литовская республика, считал он, даже в преходящем и формальном виде, будет областью с известным внутренним единством и не сможет обойтись без связи Вильно с Гродно.

Вопрос о судьбе Гродненской губернии стал одним из тех, который предполагалось рассмотреть на конференции, посвященной разрешению территориальных споров. Как уже отмечалось выше, перед отъездом Иоффе в Минск НКВД планировал созыв такой конференции литовских, латышских, белорусских и украинских коммунистов. Белорусское руководство предлагало созвать ее в Минске, а не в Москве, как планировалось поначалу. Иоффе считал, что место ра-

³¹ Там же. Л. 23.

³² Там же. Л. 3.

боты этой комиссии безразлично, но следует ее созвать как можно скорее, пригласив туда и представителей польских коммунистов, так как спор с Польшей – это самый важный вопрос. Но при этом следовало иметь в виду, что между Россией и Белоруссией нет спорных областей, что претензии «нынешнего правительства Белоруссии вовсе не соответствуют воле населения, которое вполне согласно с известным решением ЦК РКП»³³.

Чичерин соглашался стать посредником в разрешении территориального спора. Он отметил в связи с этим, что его предложение относится к конференции, которую НКВД созывает в Москве после того, как ему будут представлены территориальные требования сторон. Но эти требования, подчеркивал нарком, следовало подкрепить серьезными аргументами, и вообще этот вопрос следовало рассмотреть серьезно, с учетом постановлений местных Советов. Что касается уменьшения Белоруссии на 3/4, то, хотя Чичерин и согласился с аргументами о необходимости борьбы с национализмом и сепаратизмом, но считал, что нужно было найти какой-то компромисс³⁴.

Иоффе же решительно настаивал на своей точке зрения по поводу отторжения от ССРБ трех губерний: 29 января 1919 г. он сообщал председателю ЦИК Свердлову и Чичерину, что «на месте убедился, что неуклонное проведение известного решения ЦК совершенно необходимо», и потому следует «с наибольшей твердостью» отвергнуть все домогательства областников». Соображения же Чичерина, теоретически совершенно правильные, на практике воплощать в жизнь «ввиду настроения здешних центров прямо опасно». Менять решение по поводу отторжения областей от Белоруссии не следует, «помимо всего прочего также и потому, что, в конце концов, все это серьезно подрывает авторитет ЦК»³⁵.

30 января 1919 г. на имя председателя правительства ССРБ Жилуновича пришла телеграмма от Свердлова: «Делегатам ЦБ самым решительным образом отказано в отмене решения Цека, подтверждаю: Витебская, Смоленская, Могилевская губернии отходят, остаются в Белоруссии две губернии – Минская, Гродненская. Добавляю решение Цека провести на съезде Белоруссии объединение с Литвою... В Могилеве линия Цека пройдет несомненно. В Витебске тоже, Смоленск под сомне-

³³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 326. Д. 55001. Л. 8.

³⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 326. Д. 55002. Л. 4 об.

³⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 326. Д. 55001. Л. 10.

нием, но подчинение будет безусловным, как и на съезде в Минске...»³⁶.

На следующий день, 30 января 1919 г., Иоффе прислал в центр еще один доклад с разъяснением своей позиции, где вновь настаивал на объединении двух республик: Иоффе оговаривался, что никогда не был сторонником такого решения, и даже, как это было известно Чичерину, на заседании ЦК выступал против него, но в Минске ему пришлось убедиться в том, что обе части белорусского правительства («областники» и белорусские коммунисты. – Д.К.) настроены одинаково опасно. Поэтому ни в коем случае нельзя им дать почувствовать себя «настоящим правительством настоящей республики». Территорию лучше не увеличивать, так как «чем больше будут размеры территории, тем больше также станут размеры их собственного величия в их собственных глазах. Поэтому, хотя принципиально Вы совершенно правы, но на практике приходится особенно стараться избегать тех опасностей, которые создаются при проведении в жизнь этой быть может все же не совсем удачной политики создания буферных государств».

Плюсом в решении о создании Литбела Иоффе считал то, что «если удастся устроить унию, то и Белорусский и Литовский национализмы будут в значительной степени друг друга нейтрализовать и потому я и считаю это наиболее счастливым решением вопроса». Литовские коммунисты, продолжал Иоффе, пришли в восторг от этого плана. Создание комиссии в Москве по территориальным спорам Иоффе считал необходимым, и, как только определится состав руководства «здешней республики», обещал прислать туда ее представителя. Иоффе высказался также за включение в состав комиссии польского представителя³⁷.

1 февраля 1919 г. состоялось расширенное заседание ЦБ КП(б)Б с участием Свердлова и членов Литовской и Польской компартий. Обсуждались вопросы объединения Литвы и Белоруссии, создания объединенного правительства, места его пребывания, новых границ партийной работы и подготовки партийного съезда.

2 февраля 1919 г. в Минске начал свою работу I Всебелорусский съезд Советов. Он постановил удовлетворить ходатайство Советов Смоленской, Витебской и Могилевской губерний о выходе из ССРБ, начать переговоры с РСФСР об установлении федеративной связи между ней и ССРБ. Делегаты обратились ко всем независимым братским социалистическим республикам с предложением последовать их примеру

³⁶ Коршук В., Платонов Р. и др. Указ. соч. С. 70.

³⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 326. Д. 55001. Л. 13.

и приступить к переговорам об установлении федеративной связи между собой и с РСФСР.

Согласно декларации об объединении советских республик, I Всебелорусский съезд Советов, учитывая общность политических и экономических интересов Белоруссии и Литвы, выступление «единым контрреволюционным фронтом» Литовской Тарибы и Белорусской рады, а также «сознавая необходимость скорейшего разгрома белогвардейского белорусско-литовского правительства», постановил: «Признать необходимым немедленное слияние Белорусской Советской республики с Литовской Советской республикой, поручив проведение в жизнь слияния и организацию единого правительства органу власти, выделенному съездом»³⁸.

4 февраля 1919 г. Машицкий сообщал Чичерину о последнем перед Съездом Советов Белоруссии заседании коммунистической фракции. Обсуждался вопрос выборов в ЦИК. Кандидатуры отбирались по принципу большого и безукоризненного партийного стажа, причем связь с национализмом была одной из основных причин отвода кандидатов. «С особенным скандалом, шумом, всеобщим волнением и возмущением провалились кандидатуры председателя Жилуновича, комиссара труда Дыло и комиссара инодел Фальского, которые не получили ни одного голоса ... наказы с мест ... все без исключения враждебны образованию Белорусской республики», – писал он. Отметим Машицкий и то, что делегаты от Смоленской губернии, вследствие того, что было решено оставить ее в составе РСФСР, заявили, что они, будучи представителями губернии, уходят со съезда. Это заявление было встречено сочувственно. В целом, большинство делегатов было склонно остаться в составе России, а решение о создании Белорусской республики они поддерживали «исключительно доверием к постановлениям центра»³⁹.

9 февраля 1919 г. Гопнер направил Чичерину записку о своих впечатлениях от ситуации в Белоруссии, и в частности в Минске. Положение, по его мнению, было весьма безрадостным: росли цены на все товары, в особенности на хлеб, процветали спекуляция, пьянство, неоправданные реквизиции, проводившиеся расквартированными в Минске и окрестностях частями Западной дивизии, личный состав которой, включая и многих комиссаров, был совершенно деморализован затянувшимся бездельем. Работа всех отраслей народного хозяйства налаживались

³⁸ Коршук В., Платонов Р. и др. Указ. соч. С. 69.

³⁹ АВП РФ. Ф. 151. Оп. 2. П. 2. Д. 10. Л. 55.

очень медленно, чему причиной отчасти была административная неразбериха из-за переноса столицы ЛитБела в Вильно. В связи с этим Гопнер просил поторопить «Иоффе и литовцев» с формированием «работоспособного правительства»⁴⁰. Гопнер с удовлетворением отметил, что в состав нового правительства не вошел ни один из «националистов», все местные работники, по его словам, с негодованием отвергали белорусский национальный эксперимент.

Ситуация в Литве была не менее сложной. Там тоже назревал конфликт с национальными кадрами, в данном случае с польскими коммунистами, настроенными, по мнению Москвы, слишком радикально и потому опасными. Тем более что в Вильно были расквартированы и польские части. 10 февраля 1919 г. Иоффе писал Свердлову и Чичерину из Вильно, что положение в крае «очень тяжелое» из-за разорения войной и немецкой оккупацией, а в данный момент еще и из-за совершенного отсутствия железных дорог. К тому же мало подходящих руководителей, и нужно бы прислать сюда для работы коммунистов. Однако сравнительно с Минском есть то преимущество, что «никакой интриги не существует, ни областнической, ни националистской»⁴¹, а все работают «не за страх, а за совесть». Основная проблема здесь – масса спекулянтов из центральных областей России, которые со своими липовыми мандатами на закупки «невероятно набивают цены» и не дают к тому же возможности бороться с местными спекулянтами. Сетовал он и на то, что в ожидании объединения Литвы и Белоруссии трудно было наладить повседневную работу.

В начале февраля 1919 г. на первый план на западном направлении советской политики вышло предотвращение угрозы военного столкновения с Польшей. В связи с этим опасения вызывало поведение польских коммунистов, крайне враждебных варшавскому правительству и способных, по мнению НКВД, сорвать планируемые переговоры. 8 февраля 1919 г. Г. Чичерин, обеспокоенный настроениями польских коммунистов в Москве, просил представителя Москвы в Вильно А. Иоффе принять все меры, чтобы удержать Польскую дивизию или каких-либо польских повстанцев от вторжения с подконтрольной Советам литовской территории в этнически польские земли, «каковыми являются губернии Царства Польского, иначе говоря конгрессовка»⁴².

⁴⁰ Там же. А. 38.

⁴¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 326. Д. 55001. А. 11.

⁴² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 326. Д. 55002. А. 11.

Чичерин опасался, что такие действия спровоцируют польское правительство на войну против Советской России, причем полагал, что, если таких провокаций не будет, то войны удастся избежать. Так же следовало поступать и по отношению к тарибовской Литве. Нарком сообщал о полученной им ноте польского министра иностранных дел И. Падеревского от 7 февраля 1919 г. о ходе расследования убийства советской краснокрестной миссии, предпринятого польским правительством⁴³, в которой также говорилось об отправке в Россию для переговоров делегата польского правительства А. Венцковского⁴⁴.

Официальный ответ на предложение Падеревского был дан в ноте Чичерина от 13 февраля 1919 г. В ней подчеркивалась добрая воля Советской России к возвращению Польше ее имущества, культурных ценностей, к устранению причин конфликтов и установлению нормальных отношений. Территориальные же споры предлагалось разрешать с Литовской и Белорусской советскими республиками, в чем Москва была готова оказать дипломатическое посредничество⁴⁵.

Советское руководство считало необходимым использовать будущие переговоры в Москве с польским делегатом для того, чтобы добиться от Варшавы согласия на установление непосредственных отношений с Литовско-Белорусской советской республикой. 14 февраля 1919 г. Иоффе писал Чичерину из Вильно, что в переговорах о границе с Польшей лучше всего указывать, что Россия с Польшей не граничит, и этот вопрос она должна разрешить с Литвой и Белоруссией. Он также указывал, что в этническую Польшу никто в Вильно вторгаться не думает, но вот «Белосток вызывает здесь серьезные сомнения».

По этому поводу Иоффе просили направить полякам ноту, проект которой он прилагал к своему письму. В нем сообщалось о готовящемся объединении советских республик Литвы и Белоруссии; заявлялось об их миролюбии по отношению к Польше; содержался протест против вторжения польских войск в Гродненскую губ., в частности, в Белосток, который «чувствует свою неразрывную связь с Советскими республиками Литвы и Белоруссии»⁴⁶.

⁴³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. II. М., 1964. С. 97.

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 326. Д. 55002. Л. 11 об.

⁴⁵ Михутин И.В. Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994. С. 57.

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 326. Д. 55001. Л. 18.

От имени Временного рабоче-крестьянского правительства Литвы и Белоруссии выражалась готовность полюбовно разрешить все пограничные споры, для чего предлагалось создать смешанную комиссию из представителей Литвы и Белоруссии и Польши⁴⁷. Эта нота была направлена 16 февраля от имени ЦИК Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Белоруссии и Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы⁴⁸.

В Вильно, однако, не все придерживались примирительной позиции НКВД. Польские коммунисты не доверяли сведениям о готовящихся мирных переговорах, не верили в мирные намерения польского правительства, и потому желали ускорения открытой конфронтации, чтобы не быть застигнутыми врасплох⁴⁹.

Одновременно со съездом Советов Белоруссии в Вильно проходила II конференция Компартии Литвы и Белоруссии. Конференция приняла следующую декларацию: «Принимая во внимание, что 1) целью коммунистического движения является не разъединение, а объединение пролетарских масс разных стран и народов, 2) что Литва и Белоруссия как по своим хозяйственным условиям, так и по национальному составу представляют много сходств, 3) что общая борьба с надвигающейся со стороны буржуазной Польши контрреволюционной опасностью требует создания единого фронта, – II конференция Коммунистической партии Литвы и Белоруссии считает унию Литвы с Белоруссией в высшей степени желательной»⁵⁰.

Слияние республик одобрил затем и I съезд Советов Литвы, состоявшийся 18–20 февраля 1919 г. Он же и провозгласил официально образование Литовско-Белорусской советской социалистической республики⁵¹.

15 февраля 1919 г. Чичерин, обеспокоенный долгим отсутствием ответа о маршруте следования Венцковского в Москву, писал Иоффе о своих подозрениях по поводу польских коммунистов, вступивших в литовское правительство (И.Уншлихта, Ю. Лещинского и С. Бобинского): «Это узкие люди с приходскими интересами, они готовы втянуть нас в войну с Польшей ... Среди здешних п.с.д.-ков говорят, что польские коммунисты решили по дороге арестовать Венцковского».

⁴⁷ Там же. Л. 19.

⁴⁸ Михутина И.В. Польско-советская война 1919–1920 гг. С. 57.

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 326. Д. 55001. Л. 15–16.

⁵⁰ История Беларуси. Под ред. А. Кохановского, О. Яновского. Минск, 2001. С. 279.

⁵¹ Там же.

Требую «держать в руках» польских коммунистов и их безоговорочного подчинения директивам ЦК, Чичерин сообщал, что решение принять Венцковского было продиктовано желанием «не создать себе нового фронта»⁵².

Тревожное письмо Чичерина вызывало недоумение Иоффе, считавшего необоснованными подозрения в несоблюдении польскими коммунистами партийной дисциплины и интересов государственного строительства новых республик. В письме Чичерину от 18 февраля 1919 г. он пытался развеять предубеждение наркома на этот счет, сообщая, что польские коммунисты в литовском правительстве не только не хотят «нас втянуть в войну, но наоборот, требуют гораздо большей уступчивости, чем, по-моему, следует. Они все время требовали, чтобы мы сейчас постановили, что Белостокский и Бельский уезды должны быть отнесены к Польше, и с большим трудом мне удалось в отношении Белостокского уезда провести другую точку зрения, выраженную в присланной Вам ноте Польше». А 17 февраля на заседании ЦК, где обсуждался порядок открывающегося 18 февраля съезда Советов, сообщал Иоффе, Уншлихт предлагал, согласно пожеланиям НКВД, чтобы съезд обратился с манифестом к польскому народу. Но он это предложение отклонил, так как считал, что с таким манифестом лучше обратиться Литовско-Белорусскому правительству⁵³.

На Иоффе была возложена обязанность в целости и сохранности доставить Венцковского в Москву и обратно на польскую территорию, с тем, чтобы избежать малейших инцидентов, которые поляки могли бы истолковать как враждебность большевиков, и дать им тем самым повод к срыву переговоров и наступлению. Этого допустить большевистские лидеры не могли, считая, что в этом случае они окажутся в отчаянном и даже безнадежном положении. Мир с Польшей был необходим Советской России как воздух. 22 февраля 1919 г. Иоффе в докладе Свердлову, Ленину, Троцкому и Чичерину просил ускорить решение вопроса о создании отдельного военного округа в границах Литбел и сообщал, что военное положение в регионе «почти безнадежно... поляки освобождают свои силы подо Львовом и перебрасывают их сюда. По-видимому, имеют строжайший приказ Антанты наступать на нас...»⁵⁴.

⁵² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 326. Д. 55002. Л. 18.

⁵³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 326. Д. 55001. Л. 20.

⁵⁴ Там же. Л. 24–25.

Судя по содержанию переписки Иоффе с Чичериным, роль Литовско-Белорусской республики они видели, в частности, в том, чтобы польские власти с претензиями, которые Москва не могла или не хотела удовлетворить (например, территориальные, возвращение конфискованных польских имений и т.д.), обращалась к независимым советским республикам Белоруссии и Литвы. А поскольку они самоопределились «снизу», то и претендовать на территории, население которых таким образом высказали свою волю, Польша не имела права. В то же время Москва недвусмысленно давала понять, что именно она стоит за спиной этих республик и не допустит силовых захватов.

Для защиты советских республик Литвы и Белоруссии 12 февраля 1919 г. был создан Западный фронт в составе трех армий – 7-й, Латвийской и Западной (с марта – Белорусско-литовской).

27 февраля 1919 г. был избран общий ЦИК ЛитБела во главе с К. Циховским и создано ее правительство – СНК – во главе с В. Мицкевичем-Капсукасом. В состав ЛитБела вошли Виленская, Минская, части Гродненской и Ковенской губерний, общей площадью около 207 тыс. км² и с населением около 4 млн. человек. В начале марта 1919 г. в Вильно состоялся объединительный съезд компартий Белоруссии и Литвы, который постановил образовать единую КПЛиБ и избрал ее Центральный комитет.

Перед самым приездом в Москву А. Венцковского состоялась весьма важная для советской стороны международная встреча. 13 марта 1919 г. Чичерин «под величайшим секретом» сообщал Иоффе о том, что на несколько дней уезжал в Петроград для встречи с начальником политического информационного отдела американской мирной делегации в Париже Буллитом⁵⁵, доверенным представителем В. Вильсона и Д. Ллойд Джорджа, которые без ведома Франции хотели обсудить с большевистским руководством приемлемое для обеих сторон соглашение по территориальному вопросу. О цели этих переговоров Чичерин сообщал Иоффе следующее: «Ультимативно требуется [от нас], чтобы было приостановление военных действий, но он согласен, чтобы оно началось перед самой конференцией и чтобы конференция продолжалась определенное короткое время». Американский представитель заявил, что его руководство хочет, чтобы правительства продолжали владеть тем, чем они владели на момент перемирия, пока само население не сменил это правительство голосованием или восстанием».

⁵⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 602.

В ответ Чичерин потребовал, чтобы на конференции было отдельно оговорено, чем будет владеть каждое правительство. Антанта соглашалась вывести свои войска из России при условии уменьшения численности советских войск, что советское руководство в ходе беседы отвергло и вступило в дискуссию, чем можно заменить такое условие⁵⁶.

В итоге, 12 марта, после принятия Буллитом поправок, признанных им вполне приемлемыми, с ним был выработан проект окончательного соглашения, который Советское правительство обязывалось принять, если он будет предложен до 10 апреля⁵⁷. По этому проекту должна была быть созвана специальная конференция для заключения соглашения на основании определенных, заранее установленных принципов: воюющие стороны в России перестают стремиться свергать друг друга силой, сохраняют в своем распоряжении территории, за исключением изменений, которые были бы произведены этой конференцией, причем само население этих территорий могло бы вслед за тем изменить у себя политический строй; блокада снимается, и Советская Россия получает свободу товарообмена и сношений с другими странами; Антанта обязуется прекратить оказание какой бы то ни было помощи борющимся против Советского правительства группировкам; все воюющие стороны проводят у себя политическую амнистию; между Советскими республиками и государствами Антанты восстанавливаются дипломатические сношения⁵⁸.

Несмотря на то, что далеко идущих последствий эта встреча не имела (изменения на фронтах гражданской войны, в частности, успехи Колчака на Восточном фронте, заставили английское руководство отказаться от планов соглашения), она в тот момент позволяла советским лидерам полагать, что в принципе Англия и США не против признания Советской России при благоприятных условиях.

Кроме того, в свете петроградских переговоров, у Москвы могло создаться впечатление, что начавшееся в феврале 1919 г. польское наступление могло быть и следствием осведомленности польского руководства о позиции Великобритании и США по поводу «де-факто правительств». Поэтому оно старалось занять как можно большие территории на востоке, понимая, что в текущей ситуации Антанта вероятнее всего признает эти завоевания. У Москвы, таким образом, оставался только

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 326. Д. 55002. Л. 28.

⁵⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 602.

⁵⁸ Там же. С. 603.

моральный козырь: нужно было всеми силами демонстрировать свои мирные стремления и стараться как можно скорее установить дипломатические отношения с Польшей, вступив с ней в переговоры по территориальному вопросу.

15 марта 1919 г. Иоффе писал Чичерину в ответ на его «конспиративное письмо по поводу поездки в Питер», что, если принимать предложенное соглашение, то делать это надо как можно скорее, т.к. «фактические территории быстро меняются: вчера взят Слоним, угрожают Барановичам, взят Шавеш, угрожают Поневежу, наконец со дня на день ожидается наступление немцев из Ковно на Вильну. Если кончат, то нам очень важно было бы, чтобы занимаемая нами теперь часть Литвы и Белоруссии оставалась за нами. Я бы советовал форсировать это»⁵⁹. Иоффе также выражал надежду, что в переговорах с Венцковским, который должен был, по его расчетам, уже приехать в Москву, НКВД будет «отклонять всякие переговоры о Литве и Белоруссии, ссылаясь на самостоятельность этой республики. В противном случае ведь не имело смысла играть всю эту комедию»⁶⁰.

Таким образом, несмотря на уже начавшееся польское наступление, советское руководство надеялось удержать за собой хотя бы часть белорусских и литовских территорий до того момента, когда дипломатическим путем, с помощью Антанты, удастся закрепить территориальный статус-кво. Самостоятельный статус Литовско-Белорусской советской республики должен был при этом позволить исключить вопрос о судьбе этих территорий из круга обсуждаемых в Москве проблем.

Одновременно советская сторона пыталась создать морально неблагоприятную атмосферу для вторжения польской армии на территории, которые Польша считала принадлежащими ей как по историческому праву, так и вследствие доминирующего польского культурного и экономического влияния на этих землях. В то же время Варшаве давали понять, что она может рассчитывать на часть спорных территорий, в частности, Белостокский округ, если согласится мирно урегулировать конфликт и признать новые советские республики.

Основной задачей советского руководства на переговорах с Венцковским было заставить Польшу согласиться на мирные переговоры, взамен на это оно было готово на территориальные уступки. Однако

⁵⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 326. Д. 55001. Л. 29.

⁶⁰ Там же.

польский делегат не соглашался на полноценные переговоры. Польша, обладавшая достаточной военной мощью для захвата восточных территорий, склонялась к силовым действиям, чтобы быть обязанной своим международным положением и влиянием только самой себе и своей армии. При этом она претендовала не на один-два округа, которые предлагала уступить советская дипломатия, а на все белорусские территории и, главное, Виленщину.

6 апреля 1919 г. Чичерин сообщил Иоффе, что курьер Венцковского, выехавший в Варшаву, должен был привезти ответ польского правительства на «основные вопросы», обсуждавшиеся в ходе переговоров в Москве⁶¹. Но курьер так и не приехал, а 19 апреля 1919 г. перешедшая в наступление польская армия захватила Вильно. Вскоре Венцковский покинул Москву и выехал в Польшу через Финляндию.

В 1919 г. особое беспокойство Москвы вызывала ситуация на границе с бывшим Царством Польским. Предметом спора как Белоруссии с Литвой, так и их обеих с молодой Польской республикой был Белостокский округ, важный промышленный район Северо-Западного края империи. И если первый спор разрешался решением об объединении советских Белоруссии и Литвы, то второй грозил перерасти в военные действия, чего руководство советской России в тот момент серьезно опасалось и старалось предотвратить.

Попытка дипломатическим путем остановить польскую экспансию провалилась, в результате чего Литовско-Белорусская советская республика фактически перестала существовать. Тем не менее, несмотря на тактическое поражение, саму политику создания буферных советских республик на западных окраинах нельзя признать совершенно неэффективной: она позволяла советскому руководству формально соблюсти принцип самоопределения наций, что было значительным козырем во внешней политике, и при этом сохранить контроль над ситуацией в регионе.

Список источников и литературы:

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04, ф. 151.
2. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п.
3. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 71.
4. Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958.

⁶¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. П. 326. Д. 55002. Л. 49.

5. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. II. М., 1964.
6. Коршук В., Платонов Р. и др. Государственность Беларуси: проблемы формирования в программах политических партий. Минск, 1999.
7. Круталевич В.. Рождение Белорусской Советской республики (ноябрь 1918 – февраль 1919 г.). Минск, 1979.
8. Михутина И.В. Кто готовил советизацию Польши в 1918 году? // Революционная Россия и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. Сборник статей. Под ред. М. Волоса и А. Орехова. М., 2009.
9. Михутина И.В. Польско-советская война 1919–1920 г.г. М., 1994.
10. Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. Минск, 1994.

ABSTRACT

The Socialist Soviet Republic of Belorussia and the Lithuanian and Belorussian Republic in the Soviet foreign policy in 1919

The German revolution of 1918, the abolition of the Treaty of Brest-Litovsk and the rebirth of Polish state rose again the problem of Russia's West territories (Lithuanian and Belorussian). Bolsheviki proclaimed the right of nations to self-determination but did not want to lose control over these territories. In opposition to the Polish federative conception, they decided to create the buffer Soviet states and proclaimed the Lithuanian Soviet Republic in December 1918 and in January 1919 the Socialist Soviet Republic of Belorussia. Their plan was to redress the Polish territorial claims to these supposedly independent states. Soviet politicians were ready to let Poland have only the Bialystok district on condition that they recognize the Soviet governments and establish diplomatic relations. In addition, in this period they negotiated with Entente's representative and hoped to be recognized by the great powers. The consolidation of the Belorussian and Lithuanian Republics was a result of disagreement of national problems in the Belorussian government and its discussions with the Lithuanian communists. The territory of Belorussia was reduced. The plans of Soviet establishment were canceled by Polish intervention.

Key words: buffer republics, Belorussia, People's Commissariat for Foreign Affairs, Adolph Joffe's mission

РЕЗЮМЕ**Советская социалистическая республика Белоруссия
и Литовско-Белорусская республика
в советской внешней политике в 1919 г.**

Революция 1918 г. в Германии, отмена условий Брестского мира и возрождение Польского государства, претендовавшего на восстановление границ 1772 г., резко актуализировали вопрос о судьбе западных окраин России – Литвы и Белоруссии. Большевики, хотя и провозгласили право наций на самоопределение, не собирались терять контроль над этими территориями. В противовес польской федеративной концепции было решено создать пояс буферных советских государств. В декабре 1918 г. была провозглашена Литовская, а 1 января 1919 г. – Белорусская советские республики. Им советское руководство собиралось переадресовать польские территориальные претензии. Оно считало возможным передать Польше только Белостокский округ, но при условии установления дипломатических отношений и признания Польшей новых республик. Москва, ведя в это же время переговоры с представителем Антанты, надеялась и на признание великих держав. Поскольку начались трения в правительстве Белоруссии по национальному вопросу и территориальные споры с Литвой, было решено уменьшить территорию ССРБ и объединить ее с Литовской республикой. Планы Советской России были перечеркнуты наступлением Польши, которая только себе собиралась быть обязанной своей восточной границей.

Ключевые слова: буферные республики, Белоруссия, НКВД, миссия Адольфа Иоффе

STRESZCZENIE**Białoruska Socjalistyczna Republika Radziecka
i Litewsko-Białoruska Republika w radzieckiej polityce zagranicznej
w 1919 r.**

Rewolucja 1918 r. w Niemczech, anulowanie postanowień pokoju brzeskiego i odrodzenie państwa polskiego, pretendującego do

przywrócenia granic z 1772 r., znacznie zaktualizowały pytanie o los zachodniego pogranicza Rosji – Litwy i Białorusi. Bolszewicy, choć głosili prawo narodów do samostanowienia, nie zamierzali stracić kontroli nad tymi terytoriami. Przecistawiając się polskiej koncepcji federalistycznej, zdecydowano się utworzyć strefę buforowych republik radzieckich. W grudniu 1918 r. ogłoszono powstanie litewskiej, a 1 stycznia 1919 r. – białoruskiej republiki radzieckiej. Przywódcy radzieccy pragnęli, by w stosunku do tych republik ukierunkowane zostały polskie roszczenia terytorialne. Dopuszczali możliwość przekazania Polsce jedynie Okręgu Białostockiego, ale pod warunkiem nawiązania stosunków dyplomatycznych i uznania przez Polskę nowych republik radzieckich. Moskwa w tym czasie prowadziła rozmowy z przedstawicielami Ententy, mając nadzieję na uznanie przez wielkie mocarstwa. Ponieważ rozpoczęły się tarcia w kierownictwie Białorusi w kwestii narodowej i spory terytorialne z Litwą, postanowiono zmniejszyć terytorium BSRR i połączyć ją z Republiką Litewską. Plany Rosji Radzieckiej zostały pokrzyżowane wystąpieniem zbrojnym Polski, która uznała, że sama będzie decydować o ustaleniu swojej wschodniej granicy.

Słowa kluczowe: republiki buforowe, Białoruś, Komisariat Ludowy Spraw Zagranicznych, misja Adolfa Abramowicza Joffe